

Авдеенко И. А., Шунейко А. А.
I. A. Avdeenko, A. A. Shuneiko

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН I: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЫХ НОРМ – СЕМАНТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

INSULT AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON. I: THE PROBLEM OF LEGAL PROVISIONS – THE SEMANTIC ASPECT OF IDENTIFICATION

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.

E-mail: shuneiko@ya.ru

Mr. Alexandre A. Shuneiko – D.Sc. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Komsomolsk-on-Amur, Russia). 681013, Komsomolsk-on-Amur 27, Lenin Av. E-mail: shuneiko@ya.ru

Авдеенко Иван Анатольевич - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko - PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language Studies, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov St. E-mail: iavdeenko@mail.ru

УДК 81

За четверть века своего существования в России лингвистическая экспертиза не смогла выработать адекватного своим задачам понятийного и методологического аппарата. Это проявляется в том, что эксперты вынуждены опираться на противоречивые исходные положения, обеспечивая видимость объективности убежденностью в правомерности того или иного заключения. Такая ситуация нуждается в преодолении.

Вопрос об оскорблении в теоретической и методической литературе, связанной с лингвистической экспертизой, остается нерешенным. Как это ни парадоксально, его решение в настоящее время полностью определяется утратившей силу ст. 130 УК РФ. В ней содержится перечень критериев оскорбительности, которыми принято руководствоваться при проведении лингвистической экспертизы: «Оскорбление. 1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Во-первых, это семантический критерий – наличие оценочного компонента значения слова или выражения, который унижает честь и достоинство адресата. Во-вторых, формальный критерий – неприличность использованного слова или выражения. В данной статье рассматриваются проблемы применения первого критерия.

Сложности в применении названных выше критериев возникают уже в связи с тем, что оскорбление и унижение в русской культуре различаются: «В случае речевого акта, оскорбление скорее предполагает обвинение в несоответствии моральным нормам, часто с использованием бранных слов (мерзавец, трус, лжец, вор), тогда как унижение – обвинение в неполноценности (урод, недоумок)» (Санников А. В. Понятие оскорбления // В. Ю. Апресян и др. Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 429). Возникает резонный вопрос: можно ли определять оскорбительность через унижительность, если эти категории относятся к различным аспектам отрицательной оценки.

Приводимый в методической литературе перечень основных слов и выражений, которые могут носить оскорбительный характер, не разделяет оскорбительных и унижительных оценок: «Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: мошенник, жулик, проститутка <оскорбительные оценки>. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: расист, двурушник, предатель, пиночет <оскорбительные оценки>. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: палач, мясник <оскорбительные оценки>. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (свинья), глупость (осел), неповоротливость, неуклюжесть (корова) и т.п. <унижительные оценки>. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: хапнуть <оскорбительные оценки>. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: негодяй, мерзавец, хам <унижительные оценки>. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: женщина легкого поведения, интердевочка <оскорбительные оценки>. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: коммуняки, дерьмократы, прихватизаторы <оскорбительные оценки>. Нецензурные слова в качестве характеристики лица <унижительные и оскорбительные оценки>. Сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами: Пиночет, Гитлер и т.д. <оскорбительные и унижительные оценки>» (Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. - «Проспект», 2010 г. // http://xn--80abmiccm4bkedp11.xn--p1ai/material/Documents/book_sud.pdf).

В связи со сказанным выше представляется уместным определять понятие оскорбительности не через унижение, а через ущерб чести и достоинству. При этом исследователи отмечают нетождественность ущерба чести и ущерба достоинству. Так, «ущерб достоинству наносит то, что не согласуется с полноценностью человека как личности или как члена данной социальной группы <...> ущерб чести наносит то, что вступает в противоречие с правилами, существующими для обладателей данной социальной роли» (Санников А. В. Понятие унижения. Нанесение ущерба достоинству // Апресян В. Ю. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006. – С. 420-421). Следовательно, при определении понятия оскорбления необходимо учитывать взаимодополняющий (факультативный в одной из составляющих), а не суммирующий (обязательный в обеих частях) характер ущерба: это ущерб чести и/или достоинству.

С другой стороны, приведенный перечень способных быть оскорбительными языковых явлений не следует считать исчерпывающим, поскольку, например, метафоры с отрицательной оценочностью далеко не ограничиваются пределами зоосемантического типа. Например, названия предметов (пень, чурка, тряпка), растений (дуб, дерево, чертополох), насекомых (таракан, жук), рыб (акула), технических средств (танк), птиц (ястреб) и т.д. могут использоваться для оценки личности как несоответствующей моральным нормам или неполноценной. Если же учитывать, что переносное значение отрицательной оценки могут приобретать и языковые средства с прямой положительной оценочностью, границами, которые задает описываемый перечень, вообще можно пренебречь. В этом отношении А.А. Леонтьев и др. в книге [Понятие чести и достоинства] справедливо отмечают, что «как ни удивительно, в устах определенной социальной группы людей даже слова профессор, академик могут приобретать инвективный характер. Однако доказать такой инвективный характер почти невозможно, хотя интуитивно каждый из нас (в определенном контексте) его ощущает».

В некоторых методических рекомендациях осуществляется попытка еще больше сузить состав слов, способных выражать оскорбление. При этом вводится допущение о различии общественной и личной, объективной и субъективной оценок. Так, Стернин и др. считают, что «если женщину называют проституткой, шалавой, блядью, сукой, тварью и под. – это может

быть эмоциональная негативная оценка ее говорящим, выражение его личного эмоционального отношения к данному лицу, основанного на личной неприязни. Это чисто субъективная оценка. В таком случае обычно используется бранная лексика с обобщенным значением либо переносные, непрямые значения слов <...> Если же женщину называют воровка, мошенница, халявщица, шлюха и под., и в тексте есть маркеры, подтверждающие употребление этих слов в прямых, основных значениях, оценка ее личности осуществляется с общественных позиций – ей приписываются некоторые осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия, характеристики, качества – воровство, мошенничество, стремление жить за счет других, распутство. Это уже общественная оценка. В таком случае слова обычно реализуются в своих прямых значениях и несут конкретную информацию о нарушении тех или иных моральных или правовых норм. Правовому регулированию подлежат только публичные общественные оценки, которые могут нанести ущерб престижу личности. Личная публичная неодобрительная оценка обычно неуместна с точки зрения речевого этикета, культуры речи, и подлежит моральному осуждению, но ущерба престижу личности такие слова не наносят, поскольку ничего не сообщают о конкретных свойствах или признаках личности» (Стернин ... с. 4-5).

С этим мнением трудно согласиться не только потому, что приведенные авторами ряды и в том и в другом случае содержат обвинение в несоответствии моральным нормам, то есть общественную оценку, не только потому, что выражение подобных оценок наносит ущерб чести и/или достоинству даже как форма выражения личной неприязни, но и потому, что при таком подходе следует признать за любым человеком право называть любого человека бранными словами с обобщенным значением либо метафорами. Но такое право недопустимо с точки зрения морали.

Кроме того, имеет смысл различать правовое регулирование и право на защиту. К последнему человек прибегает в том случае, когда не может защитить себя сам в рамках принятых норм. Наиболее сложные для опровержения оценки как раз и выражаются метафорически. Соответственно, при том, что сужение состава способных быть оскорбительными языковых средств существенно облегчает задачу лингвиста-эксперта, оно скорее удаляет от истины и справедливости, исключая, например, метафоры из состава судебных разбирательств, и низводит роль лингвиста-эксперта до роли справочника, что неуместно, поскольку к эксперту обращаются за разъяснениями именно в сложных, а не элементарных случаях.

Вместе с упрощением задач в методической литературе, касающейся лингвистической экспертизы, встречаются и усложняющие ситуацию допущения, такие как противопоставление утверждений о фактах и оценочных суждений: оценочное суждение не может быть истинным или ложным, не может быть опровергнуто, но может быть оспорено. В связи с чем выдвигается идея о невозможности судебной защиты от оценочных суждений в силу невозможности проверить истинность сказанного, чего требует статья 152 ГК РФ: «Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Стернин и др. ссылаясь на статью 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статью 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицию Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, утверждают, что оценочные суждения не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности (Стернин и др. с. 9). Исходя из позиции авторов методического пособия, невозможность подтвердить или опровергнуть оценочное суждение не позволяет привлечь к ответственности, а следовательно, обеспечивает безнаказанность нанесения ущерба чести и достоинству, если не было выражено в оскорбительной (неприличной) форме.

Иной позиции придерживается М. Горбаневский, который, определяя значение термина

оскорбление, отмечает, что в отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость или ложность сведений, распространяемых при оскорблении, значения не имеет (Цена слова. Электронный ресурс <http://writer5.ru/guman/27-127.htm>).

Представляется уместным в этом отношении различать утверждения о фактах (действиях, поступках человека), содержащих оценочный компонент (нейтральный или маркированный как отрицательный или положительный: «Он продал машину» - нейтрально, «Он даже продал машину» - отрицательно, «Он наконец-то продал машину» - положительно), которые могут наносить ущерб чести и достоинству, но могут быть опровергнуты в случае их недостоверности и которые соотносимы с понятием клеветы, и оценочные суждения относительно качеств личности, которые могут как находить подтверждения в фактах (Он вор, поскольку известно, что он крал), так и не находить их (Он вор, и пусть докажет, что это не так).

Если учитывать декларируемое выше право на защиту, то следует отметить, что оценочные суждения в отличие от утверждений о фактах ставят не адресанта перед необходимостью подтверждать сказанное (притом, что если сказанное в утверждении о факте – заведомая ложь, сделать это (доказать) сложно, а опровергнуть легко), а адресата перед необходимостью оспаривать оценку себя в весьма запутанной системе оценочных категорий, которые осложняются метафоричностью оскорбительных наименований. Именно поэтому, оценочные суждения в отношении характеристик личности не только могут, но и должны быть поводом для участия государства (в форме суда) в защите чести и достоинства гражданина.

Следует также подчеркнуть, что поскольку характеристики личности находят свое то или иное выражение в конкретных поступках, действиях личности (хотя прямой связи между отрицательно оцениваемыми поступками и осуждаемыми обществом качествами личности нет: подлец может всеми средствами демонстрировать свою добродетельность и наоборот, добродетельность может проявляться в отрицательно оцениваемой агрессии), выражение оценки действий личности проецируется на характеристики личности, а оценка личности прогнозирует возможный набор ее поступков. Так, утверждение «Ты лжешь» содержит элемент личностной отрицательной оценки «Ты лжец», основанный на стереотипе «Если человек совершает какое-либо действие однократно, то он допускает возможность такого действия вообще, а следовательно, характеризуется как систематически готовый к совершению данного действия». С другой стороны, утверждение «Ты хам» предполагает, что называемый человек наверняка хамски себя вел в прошлом, и неоднократно поведет себя так в будущем. Описание многомерной актуальной коммуникативной ситуации в таком утверждении предполагает, что и в настоящем (даже если никакого хамства нет) оцениваемая личность ее проявляет. Следовательно, понятия клеветы как распространения заведомо ложных сведений о поступках личности и оскорбления как выражения оценки самой личности являются, по сути, двумя сторонами одной медали и не могут строго разграничиваться.